УДК 340 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-2-9-17

О НЕОБХОДИМОСТИ ФИЛОСОФСТВУЮЩЕЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕПЦИИ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Шапсугов Дамир Юсуфович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tha@uriu.ranepa.ru

«Само понятие о праве совершенно затмилось в современных умах».

«Разум становится законом необходимых отношений реальных сил посредством подведения их под логические законы».

«…все категории чистого разума суть вместе и категории познания внешнего мира, те связующие начала, которые раскрываются нам опытными науками, и под которые подводится всякое опытное знание».

Б.Н. Чичерин

Ученый-юрист должен взять на себя труд и наслаждение быть философом.

Нельзя полностью доверяться даже логике, тем более формальной.

Логика напоминает спасательный круг для утопающего исследователя.

Д.Ю. Шапсугов

Аннотация

В статье анализируется концепция мышления и познания, представляющая собой обоснование замкнутой самодостаточной универсальной системы нахождения истинного знания, дается обоснование необходимости философствующей юриспруденции.

***Ключевые слова**: мышление, познание, понимание, истина, логика, метафизика, субстанция, основные начала, основания, материя, душа, разум.*

Для современной юридической науки, опирающейся в основном на интуицию и наблюдение в познании права, основным достижением которой на данный момент является постоянное «порождение» новых типов правопонимания, представляется крайне важным подвергнуть анализу ситуацию, при которой становится возможным понимание права и невозможным познание его истины. Данный вопрос вряд ли выделен как вопрос,

ответ на который имеет судьбоносное значение для юридической науки. Одну из крайне редких попыток решения данного вопроса дал выдающийся российский ученый Б.Н. Чичерин.

Специальный труд, посвященный данной проблематике – «Основания логики и метафизики» [1], он посвятил молодым русским, полагая, что, изложив такое обобщающее о мышлении и познании, он представит свое цельное видение мышления и познания, изучив которое как наследие поколений, занимавшихся философией в нашем отечестве, молодые российские ученые смогут дальше развивать отечественную философию и гуманитарные науки, в том числе и юридическую науку. Однако, судя по всему, надежда выдающегося ученого не сбылась, и юридическая наука не ушла дальше разработки отдельных типов правопонимания, даже имея в виду проблематику интегративного понимания, которое вполне укладывается в проблематику мышления о праве, дающем его понимание, но не истину о нем.

Уровень мышления и познания, предложенный Б.Н. Чичериным, по всей видимости оказался слишком высоким для последующей российской юридической науки: об этом свидетельствует фактически отсутствующее обращение к этой теме, за исключением известной нам как едва ли не единственной рецензии на его названный выше труд Тихомирова П.В. [2], где он подвергает сомнению ряд фундаментальных положений концепции Б.Н. Чичерина, которая вряд ли может быть признана безупречной в своей претензии на тот уровень осмысления проблемы, который реализовал Б.Н. Чичерин. Одно из объяснений этой ситуации заключается в том, что никто после его смерти в России не создал пятитомный курс «Истории политических учений», до сих пор не уступающий по своей содержательной полноте ни одному изданному учебнику, изданному в XX и XXI веках в России.

По мнению автора указанной рецензии, Б.Н. Чичерин рассматривает закон тождества законов разума и законов внешнего мира его как бесспорный факт, в то время как он представляет предмет спора между феноменализмом и реализмом. По его мнению, метафизика Б.Н. Чичерина может быть и является верной, но не достоверной, так как приводимые Б.Н. Чичериным аргументы для доказательства его существования не подтверждают достоверности их (мысли и бытия) взаимодействия.

Свое несогласие с Б.Н. Чичериным П.В. Тихомиров высказывает и по вопросу о соотношении понятия, суждения и умозаключения, полагая, что понятие является элементом суждения и умозаключения и поэтому последние неправомерно рассматривать в учении о понятии.

С таким утверждением вполне можно не согласиться в связи с тем, что суждение и умозаключение являются различающимися формообразованиями из понятий. Здесь Б.Н. Чичерин проявляет верность своему методу, в соответствии с которым начало познания и его результат совпадают, и это совпадение проверяется обратным движением мысли от результата к началу, которым подтверждается истина, установленная в результате, либо вскрывается ошибка, допущенная в ходе познания.

Получается, что в юриспруденции, как и в математике, происходит конструирование понятий, а общая схема мышления: восприятие, представление, понятие и познание: от опыта через посредствующее звено к понятию может быть проиллюстрирована на основе применения этой схемы при формулировании Б.Н. Чичериным общего закона развития политико-правовых учений, основное содержание которого отражено в следующей схеме [3, с. 110].

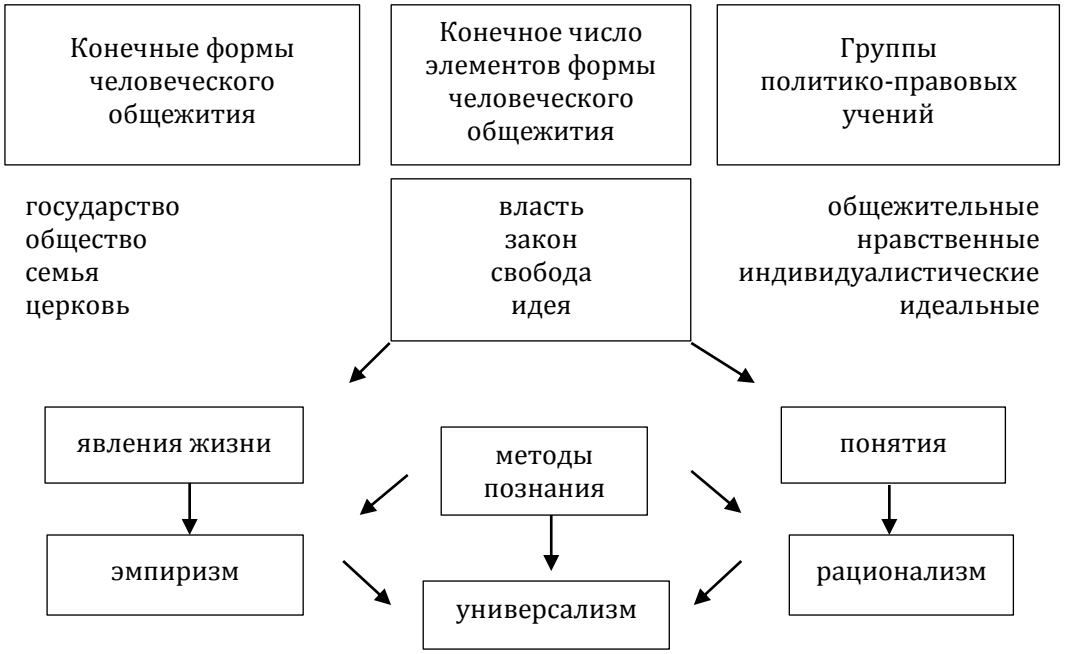

Схема. Основное содержание общего закона развития политико-правовых учений

В представленной схеме присутствует бытие (учении о бытии в виде конкретных форм человеческого общежития с конечным числом элементов), методология, понимаемая как методы познания (эмпиризм, рационализм, универсализм), гносеология, понимаемая как связи бытия и методов его познания (конечные элементы формы человеческого общежития одновременно выступают и явлениями, и понятиями, обеспечивая связь между ними).

Руководствуясь законами мышления, необходимо выявить сначала общие формы человеческого общежития, в которых заключена публичная жизнь человека. Простое наблюдение показывает, что такими формами является государство, гражданское общество, семья, церковь. Различая каждую их этих форм, мы получаем конечное число элементов каждой формы: власть, закон, свобода, идея.

Методом эмпирического анализа – разложения целого на части – мы получаем как конечное число форм человеческого общежития, так и конечное число элементов, их составляющих (власть, закон, свобода, идея). Посредством логического мышления мы формулируем основные понятия, в основу которых положены представления, полученные в процессе анализа, и получаем совокупность представлений и понятий: государство, гражданское общество, семья и церковь»: все эти понятия сплачиваются в единство через понятие «форма человеческого общения», являющегося рациональным отвлеченным понятием, сконструированным разумом на основе эмпирического анализа через нахождение посредствующего звена, каковым и является форма человеческого общения, становящееся обобщающим понятием; посредством этого понятия снимается различие между государством, гражданским обществом, семьей и церковью и фиксируется их единство, в котором в снятом виде сохраняются их особенности специфической формы.

Эмпирическим методом анализируется каждая отдельная форма человеческого общежития, что позволяет сделать неоспоримый вывод о числе элементов каждой формы человеческого общежития: власть, закон, идея – составляющие конечное число элементов, содержащихся в каждой отдельной форме человеческого общежития.

Теперь необходимо сделать синтез – обобщение для объединения этих элементов в целостность. Сделать это можно через нахождение посредствующего звена, ведущего, позволяющего такой синтез.

Таким звеном оказывается реальное значение каждого конечного элемента формы человеческого общежития (власти, закона, свободы, идеи) в каждой отдельно взятой форме человеческого общежития: его приоритетная, главенствующая или подчиненная роль. Определение этой роли оказывается тем самым посредствующим звеном, посредством которого снимается противоречие власти, закона, свободы и идеи, и находится критерий для классификации политико-правовых учений: роль отдельного элемента конечной формы общежития в сравнении с другими. При главенствующей роли власти, подчиняющей себе закон, свободу, идею, мы имеем общежительную (обеспечивающую общую жизнь людей с превращением в инструменты (закон, свобода, идея). При главенствующей роли закона – нравственные (когда власть, свобода, идея используются как инструменты для обеспечения единства). При главенствующей роли свободы, когда власть, закон, идея используются как инструменты обеспечения свободы мы имеем индивидуалистическое политико-правовое учение. При господствующей роли идеи, когда власть, закон, свобода используются как инструменты обеспечения идеи, мы имеем идеальные политико-правовые учения.

Таким образом, мы получаем всю полную и достоверную картину политико-правовых учений, представленную четырьмя группами учений, что становится материалом для последнего обобщения – формулирования закона развития политико-правовых учений, в котором заключена искомая истина всех политико-правовых учений, сформулированных в форме закона, звучит так: в каждую эпоху человеческой истории имеют место все четыре разновидности политико-правовых учений, которые постоянно повторяются. С этой точки зрения развития учений не происходит. Смена учений, преподносимая как их развитие, есть лишь смена приоритетов в эмпирически устанавливаемом преобладании отдельных элементов формы человеческого общежития в отдельно взятой группе политико-правовых учений.

Закон сформулирован, цель познания как установление истины в качестве закона, замыкающего целостную, достоверную замкнутую систему знания, достигнута. Теперь остается только проверить, насколько правильным был путь познания, что осуществляется возвращением от достигнутого результата к самому началу процесса познания и мышления. После благополучного его прохождения, истина безусловно должна считаться вполне установленной. При возникновении проблем, нестыковок полученное знание должно соответственно корректироваться, или даже качественно изменяться.

Здесь мы имеем дело с особым пониманием истины, основывающемся на представлении о ее заключенности в цельной, замкнутой, самодостаточной системе знания, надо признать в принципе не исключающей возможного признания такой замкнутости как ошибочной. Смена подобных систем знаний здесь констатируется как непреложный факт.

При этом часто не учитывается другое очень важное обстоятельство. Оно заключается в признании того, что знание не может приобретаться иным способом, кроме как логическим. Системы получаемых знаний, способы их конструирования различны, но в каждом случае достижение системы целостного (замкнутого в себе) логически стройного, является необходимой предпосылкой самой возможности его получения.

Недостатки такого подхода к получению такого знания привели к получению другого подхода – отрицающего «закрытые» системы знаний и обоснованию необходимости открытых систем знаний. Принимая во внимание позитивный посыл, содержащийся в таком новом подходе, все же необходимо проанализировать вопрос о том, идет ли речь о полном преодолении – исключении «замкнутости» познания или мышления или же о преодолении универсальности, единственной правильности, на которую

претендует критикуемый подход. И насколько «открытая» система знания, познания и мышления может претендовать на универсальность, понимаемую как единственную правильность.

Как можно опровергнуть факт, что развитие знания идет как «системосозидание»? Не является ли оно («системосозидание») доказательством открытости познания и мышления, а задача создания единственно правильной, универсальной, открытой системы – задачей невыполнимой?

Следует особо подчеркнуть мысль Б.Н. Чичерина о разграничении мышления и познания. Первое всегда, но его мнению, дает понимание предмета, но не всегда оно является истиной.

Задачей мышления, по его мнению, является не постижение истины, хотя оно и является его целью. Постижение истины возможно через теорию познания, в которой должны быть сведены в одно целое вся деятельность человека по получению достоверного знания о предмете. Мышление носит преимущественно формальный характер, содержания предметов оно касается лишь частично. Это различие между мышлением и познанием особенно заметно при характеристике их структуры. Мышление представлено четырьмя учениями: учением о форме, учением о способности, учением о законе, учением о методе, единство которых обеспечивается формулой: восприятие – представление – понятие. Теория познания структурно характеризуется через формулу: опыт – посредствующее звено – результат – как закон – выражающий истину, достоверность которой может и должна быть проверена обратным движением познания от результата к исходному началу. Совпадение пути от начала к результату и от результата к началу – это и есть способ достижения достоверной твердо установленной истины.

Таким образом, мышление, понимаемое как логика, подводит к метафизике, создает ей предмет исследования в виде субстанций и их взаимодействия. Такое понимание мышления и теории познания Б.Н. Чичерина объясняет существование многочисленных типов правопонимания в современной отечественной юридической науке как наличие мышления о праве, хотя и без четкого обозначения его структуры, как это сделано Б.Н. Чичериным, и об отсутствии в ней теории познания.

По Б.Н. Чичерину получается так, что мышление не занимается содержанием предмета специально и полностью. Оно почти полностью занимается формой движения мысли. Его задача ограничивается исключительно достижением понимания предмета, которое, как уже указывалось, не обязательно должно быть истинным. Таким образом, сфера мышления – сфера формирования и формулирования отвлеченных понятий, которые должны получать основания в опыте, интуиции. Проблема истины надлежащим образом решается с помощью теории познания, призванной соединить опыт, непосредственно связанный с содержанием предмета, с отвлеченным от него понятием, в развитии которого постигается истина выступающая, как цель в мышлении, и предмет формулирования в метафизике.

Выполнение задач науки о мышлении как логики, квалифицируемой как первая и основная наука, дающая закон остальным, создает предпосылки для перехода к метафизике, которая выступает как развитие логических операций. Мышление создает предпосылки для перехода к метафизике, предметом которой, как нам представляется, их взаимодействие.

Б.Н. Чичерину, одному из немногих, удается внести определенную ясность в учение о субстанциях, их содержании, формы бытия, объяснить их логически необходимое (не опытное) взаимодействие. Выделение четырех инстанций (материя, душа, разум) в качестве относительных, как опирающихся и выводимых из опыта, и четвертой, начальной, выходящей из области бытия относительного, в силу этой не подлежащей опытному исследованию, составляет «логически необходимое предположение остальных».

Исходя из этого, «метафизический процесс человеческого сознания» заключается в том, что «каждая из этих субстанций поочередно становится исходной точкой для целой системы определений, в которых повторяется тот же закон, по которому каждая субстанция является в свою очередь носительницей всех остальных причин (формальной, материальной, производящей, конечной), заключая их в себе как моменты.

Сам Б.Н. Чичерин постоянно подтверждает свое представление о соотношении мышления и познания при исследовании конкретных предметов и проблем.

В качестве примера такого подтверждения выше дано описание способа установления им общего закона развития политико-правовых учений, содержание и формы которого им раскрыты в его пятитомной истории политических учений.

Признавая обоснованность разграничения мышления и познания, нельзя не обратить внимания на основания этого разграничения, рассматриваемые как твердая опора для познания истины. Б.Н. Чичерин приводит несколько таких оснований. Прежде всего, таковым является закон тождества бытия и сознания, на который в своих исследованиях традиционно опираются ученые. Аксиоматический характер утверждения такого закона как твердого основания истинности добываемого на его основании знания все же не может вызывать сомнений. Опора на данный закон предполагает предварительное существование предмета, который только отражается сознанием. На самом деле человек не только познает уже существующее, но и творит новую, еще не существующую действительность, как факт.

Познавать уже существующий предмет или создавать новый – это, как минимум, две разные, хотя возможно и взаимосвязанные, задачи. Здесь мы имеем ситуацию следования предмету, характерную, как отметил И. Кант, для старой метафизики, которая требует революции в сознании, определяемой им как переход от «слепого следования предмету» к его конструированию.

Наверное, утверждение о тождестве предмета и мышления о нем не стоит понимать полностью как самодостаточное. Речь должна идти о том, что есть предмет познания. Он всегда предзадан и уже существует, всегда или речь идет о том, что надо его еще создать. Ведь познается не только существующее, но и несуществующее, точнее говоря, то, что пока не существует, но необходимо создать. Таким, не существующим когда-то, был весь искусственный мир, созданный человеком за всю его историю, который уже является существующим, включая искусственный интеллект. Возникает вопрос, укладывается ли в формулу закона тождества данное обстоятельство, не возникает ли здесь ситуация, когда предметом сознания становится как раз несуществующее, либо существующее невидимое, и не требует ли это обстоятельство иного исходного начала, чем закон тождества? Не идет ли здесь речь о возможности включения результата творчества в уже существующий мир?

Не может ли в этом случае роль исходного начала играть другой тезис – проблема может возникнуть только тогда, когда существуют предпосылки ее решения. Не является ли познание поиском этих предпосылок как существующего невидимого, которое может быть обнаружено через всеобщее? И можно ли методом «старой методики» исследовать такую проблему? Не имеет ли здесь место платоновское разграничение того, что должно быть? И не отвечает ли «старая метафизика» принципам следования того, что должно быть убрано как ненужный хлам? Можно ли утверждать, что исследуя то, что есть, мы творим будущее?

Другой вопрос, а что же есть то, что должно быть? И это вопрос не только нравственный, но и естественнонаучный. И эти два вопроса всегда идут рядом во всем, что касается человека.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что в качестве образцового примера метода получения истинного точного знания приводят с давних времен математический

метод. Этого соблазна не избежал и Б.Н. Чичерин, о чем он говорит прямо в названном труде об основаниях логики и метафизики. И здесь трудно не упрекнуть выдающегося мыслителя в том, что он не учитывает очень важного принципа применения математического метода в отдельных, нематематических науках, сформулированного Р. Декартом, четко указавшем на недопустимость прямого, непосредственного его применения в названных науках наподобие того, как это имеет место в математике. Суть вопроса здесь заключается в том, что каждая отдельная наука должна в самом своем предмете, в себе должна найти свою форму простоты, подобную математической (число, фигуры и т.п.), ведь даже каждая отрасль математики имеет свою простоту.

Надо не напрямую применять число, фигуру для исследования предмета нематематической науки, а в ней самой найти их аналоги с учетом особенностей ее предмета как уже существующего и как проблемы.

Б.Н. Чичерин останавливается на понимании предмета как уже существующего, создает его образ в виде конечных форм человеческого общежития и конечного числа общих элементов каждой формы и накладывает этот образ на всю историю человеческой мысли. Поэтому формулируемый им закон развития политических учений становится не законом развития политических учений, а преимущественно законом их консервации в качестве одних и тех же, существующих во все эпохи групп политических учений. Этот фундаментальный и весьма интересный вывод предполагает уже найденной навсегда формулу поиска истин политики и права в учениях о них, но практически не затрагивает проблемы, которые возникают в процессе их развития. Предполагается достаточным применение найденной формулы к любым обстоятельствам и в любое время. В этой формуле нет не разрешаемой проблемы и, следовательно, в ней нет ни обнаружения ее, ни метода ее разрешения.

Разумеется, сказанное не означает отрицание познавательной значимости этой формулы. Она безусловно огромна, но и ее универсальность оказывается ограниченной в силу своей неспособности видеть проблему и находить и реализовывать пути ее решения.

Позитивизм в юриспруденции, добившийся господства даже в философии права, застряв в догматизме, не пройдя стадию скептицизма, не создав концепцию научной критики, не позволяет отечественной юридической науке приблизиться к этапу нахождения исходных начал того, что Б.Н. Чичерин назвал субстанциями. Он представляет собой эмпирический этап в мышлении о праве, результаты которого непосредственно, без посредствующего звена, провозглашаются разумными и истинными.

Роль материи здесь играют общеобязательные правила поведения, другие юридические явления, существующие как данность, элементарный факт. Роль разума – рассудочные понятия, выступающие как обобщения представлений о юридических явлениях получающие статус категорий разума. Роль души как посредствующего звена между материей и разумом фактически игнорируется.

Концепция Б.Н. Чичерина построена, если так можно выразиться, по принципу самодостаточности. Она не содержит в себе инструментов поиска проблемы или фиксации ее наличия. Она способна решить все вопросы на пути к истине самостоятельно. В этом смысле вывод о том, что исследование должно завершаться решением определенных исследовательских задач и точным фиксированием установленных им и подлежащих решению проблем, относимо к концепции Б.Н. Чичерина только наполовину. Результат здесь ограничивается лишь первой частью отмеченного здесь вывода.

Конечно, вполне возможно, что в философии и юриспруденции возможно было бы использовать другие категории, чем это делает Б.Н. Чичерин, и сегодня скорее всего это необходимо обосновать и сделать. Но стержневая идея его концепции мышления и познания несомненно является фундаментальным обобщением всей предшествующей

истории политико-правовой мысли, завершающейся формулированием закона ее развития. Другого, сравнимого с концепцией Б.Н. Чичерина по своей глубине и обоснованности, логически последовательного варианта исследования мышления и познания, отечественная история политико-правовой мысли не имеет. Освоить его в полной мере, особенно в его фундаментальных основаниях, сегодня становится насущной потребностью отечественной политико-правовой науки.

Имеет ли какую-либо ценность концепция мышления и сознания Б.Н. Чичерина для современной юридической науки? Разумеется, сегодня нуждаются в дополнительном обосновании ряд ее оснований, на самом деле носящих гипотетический характер, но объявляемых как универсально достоверные (например, закон тождества мышления и бытия, убежденность в рациональности как в единственном способе получения достоверного и целостного знания истины).

Но наряду с этими и другими ограниченностями возможностей любой концепции, как нам представляется, могут и должны быть выделены и несколько не понятых положений или просто не воспринятых положений.

Это, прежде всего, разграничение мышления и познания, отождествляемые в отечественной юридической науке, и обоснование их единства в процессе исследовательского поиска истины и обратной проверки полученного результата, возвращением от него к исходному началу.

Можно обратить внимание и на его формулу: материя – душа – разум, где душа играет роль посредствующего звена между материей и разумом, без которого мы можем иметь отделенные друг от друга отвлеченные понятия или данные опыта, само по себе делает невозможным познание истины о праве.

Идея посредствующего звена между опытным и отвлеченным, спекулятивным знанием, как нам представляется, совершенно не воспринята отечественной юриспруденцией, представители которой вполне удовлетворены непосредственным «вкладыванием» эмпирического знания в общие философские категории совершенно произвольным образом. В этих случаях ценность категории субстанции, объективная необходимость восхождения к ней в «метафизическом процессе», оказываются не имеющими принципиального значения. Да и кто сегодня говорит об основаниях субстанционального знания в юриспруденции?

Поразмышлять над этими и другими вопросами мышления и познания и означает принять во внимание обращение Б.Н. Чичерина к молодым русским философам как его призыв к юристам – не переставать быть философами.

Литература

1. *Чичерин Б.Н*. Основания логики и метафизика. С. 1. Лит. Мир – Электронная библиотека.
2. *Тихомиров П.В.* Несколько критических замечаний на Чичерина. Основание логики и метафизики. М., 1894.
3. *Шапсугов Д.Ю.* О тождестве и единстве онтологии, гносеологии и методологии в правовом познании // Шапсугов Д.Ю. Познавая благо, себя и мир. Ростов-на-Дону, 2014.

***Shapsugov Damir Yusufovich*,** Doctor of law, Professor, the head of the department of the theory and history of law and state, South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: tha@uriu.ranepa.ru

ON THE NECESSITY OF PHILOSOPHIZING JURISPRUDENCE. REFLECTIONS ON THE CONCEPT OF THINKING AND COGNITION BY B.N. CHICHERIN

Abstract

The article analyzes the concept of thinking and cognition, which is a justification for a closed self-sufficient universal system of finding true knowledge, and provides a justification for the need for philosophizing jurisprudence.

Keywords: *thinking, cognition, understanding, truth, logic, metaphysics, substance, basic principles, foundations, matter, soul, mind.*

References

1. CHicherin B.N. Osnovaniya logiki i metafizika. S. 1. Lit. Mir – Elektronnaya biblioteka.
2. Tihomirov P.V. Neskol'ko kriticheskih zamechanij na CHicherina. Osnovanie logiki i metafiziki. M., 1894.
3. SHapsugov D.YU. O tozhdestve i edinstve ontologii, gnoseologii i metodologii v pravovom poznanii// SHapsugov D.YU. Poznavaya blago, sebya i mir. Rostov-na-Donu, 2014.

УДК 342 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-2-17-30

МОДЕЛИ МЕДИАТОРСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1950 – 1970-Е ГОДЫ*

Бабич Ирина Леонидовна доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН (119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32-А). E-mail: babi7chi@yandex.ru

Плиев Абдурахим Ахмедович кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН (119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32-А). E-mail: babi7chi@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу формирования моделей медиаторства в 1950-70-е гг., когда советская власть в послевоенное, хрущевское время обратило внимание на горский адат. Исследование опирается на анализ уголовных дел Верховных судов Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской и другие архивные и полевые материалы. В статье рассмотрены принципы создания советских примирительных комиссий в Чечне и Ингушетии и основы медиаторства среди адыгов и осетин, а также соотношение кровной мести и советского судопроизводства.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, медиаторство, примирительные комиссии, советская власть, старики.*

Введение

В конце 1950-х годов судебная политика советской власти по отношению к адату меняется. Сначала в годы хрущевской оттепели, затем в застойные годы советская печать и органы Министерства юстиции заговорили о наличии у северокавказских горцев до революции полезных адатов. Задачей советских судебных органов стало выделение сохранившихся полезных норм адата (почитание стариков, медиаторство, охрана общественного порядка и собственности), их развитие и по-прежнему решительная борьба с вредными адатами (бесправие и забитость женщины, кровная месть).

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.